

Научно-исследовательский журнал «Экономический вестник / *Economic Bulletin*»
<https://eb-journal.ru>
2025, Том 4 № 2 / 2025, Vol. 4. Iss. 2 <https://eb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 330.34

¹ Свирская Д.А.,

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России*

Вопросы социально-экономической адаптивности российского общества в условиях переходной экономики

Аннотация: в условиях современных глобальных неустойчивых социальных реалий, эпоху геополитических, экономических и социокультурных перемен актуальным для научного изучения становится проблематика адаптации государств, обществ и индивидов к условиям изменяющейся среды. В контексте экономической теории релевантность снова приобретают исследования, затрагивающую проблему социально-экономического выживания обществ; исключительное внимание при этом уделяется феномену неформальных экономических институтов, нашедшему свое отражение в поведенческих установках, социально-экономическом поведении и ожиданиях людей. В этой связи, особый научный интерес представляет опыт постсоветского общества 1990-х годов, когда проблема «неформальной экономики» затронула большую часть населения, обнажив не только ряд фундаментальных социальных и политических противоречий, назревших в позднем СССР, но и заложивших основу новой социально-экономической системы России.

Вместе с тем, проблемы того времени раскрыли и феноменальный социально-культурный потенциал русского народа, обусловленный непростыми климатическими, геополитическими и историческими условиями его жизни, сформировавшими его ментальную устойчивость и жизнестойкость к различного рода социальным стрессорам и изменениям извне, выработав высокую степень его социально-экономической адаптивности.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптивность, неформальная экономика, адаптация, адаптивность, социально-экономическая адаптивность

Для цитирования: Свирская Д.А. Вопросы социально-экономической адаптивности российского общества в условиях переходной экономики // Экономический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 77 – 85.

Поступила в редакцию: 14 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2025 г.

¹ *Svirskaya D.A.,*

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) at the Ministry for Foreign Affairs of the RF*

Issues of socio-economic adaptability of Russian society in a transitional economy

Abstract: the problem of adaptation of states, societies and individuals to the conditions of a dynamic environment becomes scientifically relevant in the situation of modern global social instability, the era of geopolitical, economic and socio-cultural changes. In the context of economic theory, research dealing with the problem of socio-economic survival of societies is becoming relevant again; particular attention is paid to the phenomenon of informal economic institutions, which is appearing in behavioral attitudes, socio-economic behavior and expectations of people. Of particular interest is an experience of the post-Soviet society of the 1990s, when the problem of the "informal economy" affected most of the population, exposing not only a number of fundamental social and political tensions of the late USSR period, but also laid the foundation for a new Russian socio – economical system.

The problems of that time also showed the phenomenal socio-cultural potential of the Russian people, conditioned by harsh climatic, geopolitical and historical conditions of their life, which formed their resilience (also

mental) to a broad group of social stressors and external changes, which have developed a high degree of their socio-economic adaptability.

Keywords: socio-economic adaptability, informal economy, adaptation, adaptability, socio-economic adaptability

For citation: Svirskaya D.A. Issues of socio-economic adaptability of Russian society in a transitional economy. Economic Bulletin. 2025. 4 (2). P. 77 – 85.

The article was submitted: January 14, 2025; Approved after reviewing: March 12, 2025; Accepted for publication: April 28, 2025.

Введение

Проблематика социальной адаптивности российского общества к различного рода изменениям как социально-экономическая проблема привлекла к себе особый интерес со стороны ряда отечественных исследователей – представителей разных областей науки в связи с попытками последних проанализировать и оценить опыт советского и постсоветского общества

1990-х годов в контексте тех социальных, экономических и культурных явлений, которые переживает российский социум сегодня.

Естественную потребность в социальной рефлексии и рефлексивности как публичного анализа исторического и социально-экономического развития общества, создания соответствующих рабочих структур, институтов, как и акторов в целом в ответ на трансформирующиеся реалии, отметили такие отечественные исследователи как Ж.Т. Тощенко [19] и О.Н. Яницкий [24]. Они подчеркнули значимость оценки ряда исторических событий травматогенного характера прошлого для понимания их деструктивных последствий в настоящем и использования данного опыта в рамках подготовки российского общества к будущим вызовам извне.

Материалы и методы исследований

К травматогенным для российского социума событиям были отнесены процессы, обусловленные резкими, быстротечными, внезапными, радикальными (на уровне ценностей, правил, идеологии), шокирующими социальными переменами общественного масштаба (затрагивающие разные сферы жизни социума) [22].

К таким социальным изменениям Ю.Г. Волков относит травмы революций и войн XX века в виде репрессий, доносов, отказа от близких людей, закрепивших в сознании российского социума недоверие (настороженное отношение) к органам государственной власти, безразличное отношение к социально-политической сфере; трансформацию 1990-х годов, подорвавшую экзистенциальное ощущение безопасности у населения, его уверенность в будущем, ценность единства (ориентацию

на коллектив), сформировавшую у людей «заикленность» на проблемах прошлого, чувство ностальгии социума по былым временам [4].

В тоже время О.Н. Яницкий выделяет триаду исторических, циклических тенденций, характеризующих русскую историю последних пяти веков: мобилизационную идеологию, мобилизационную экономику и минималистскую практику воспроизводства населения и его жизненной среды, самовоспроизводящихся в условиях войн (гражданской, Великой отечественной войны), социально-экономических перемен (коллективизации, индустриализации, «пятилеток», экономических реформ, с девальвацией рубля и потерей населением своих сбережений) [23] и в рамках общей природы социальной системы в целом, сформировавшейся в условиях сурового северного климата [3], необходимости постоянной защиты и укрепления огромных, неосвоенных территорий [2], столкновения восточной и западной культурных парадигм, а также синтеза разных культурных и религиозных моделей (как, например, природного язычества и аскетического православия) [1].

Не зря, Н.А. Бердяев подчеркивает антиномичность России, противоречивость, заложенную в основе ее бытия, которое не понять и не измерить «никакими аршинами доктрин и учений» [2, с. 3], воплотившуюся в бинарности (двойственности) русской культуры. С одной стороны, это широта русской души, такой же бескрайней, как и границы ее территорий [2], это её стремление к чему-то вечному, совершенному и возвышенному, Божественному; Н.О. Лосский дает определение русскому человеку как человеку мессианскому, иоанновского типа, строго нацеленному на достижение иоанновского идеала из Евангелии [6]; он же, по мнению Н.А. Бердяева, и сострадательный, и страдающий, и причиняющий страдания одновременно [1], одинаково жестокий и мягкий [6]. С другой же стороны, и Н.А. Бердяев и Н.О. Лосский выделяют смиренность, пассивность и покорность русского народа. Н.О. Лосский объясняет ее равнодушным отношением русского человека к несовершенству земного мира [6], что, впрочем, в

условиях постоянных перемен выступает более чем естественной формой его адаптации к социальным изменениям, процессом вынужденной трансформации в его восприятии действительности – образа идеального или близкого к идеальному бытия (жизни «здесь и сейчас») в образ будущего или в «вечную надежду на светлое будущее». В тоже же время эта леность естественным образом соединяется с еще одной, присущему русскому характеру, чертой – чувством фатализма, веры в неизбежность судьбы и Божьего воздаяния, проявляющейся в наиболее критичные для русского народа жизненные периоды, в ситуациях острой неопределенности. Так, к триаде О.Н. Яницкого можно добавить неизменную триаду интуитивных, культурных, характерных для русского человека смыслов – веру в Бога, в судьбу и в противовес им – полное отрицание веры в сверхъестественное [18].

В тоже время духовная энергия русской души, по мнению Н.А. Бердяева, легко переключается с религиозных целей, на цели общественные, подобно тому, как и обостренное осознания личности русского человека способно растворяться в безличном коллективизме [6]. Коллективизм, в свою очередь, также является естественной формой адаптации общества к суровым климатическим условиям. В этом смысле актуально замечание Ж.Ж. Руссо о том, что в северных странах потребности и угроза гибели объединяют людей больше, нежели чем нежные чувства, последние из которых и рождаются из потребностей [14]; в северных странах, людей беспокоит все происходящее вокруг и чем «беднее они, тем больше привязаны к тому, что у них есть и посягнуть на это, значит посягнуть на их жизнь» [14, с. 249].

Между тем, именно суровые условия жизни русского народа, его географическое положение, отсутствие доступа к теплым наружным морям, которое смогло бы обеспечить развитие его торговли, определило, по мнению А.Е. Едрихина, естественное стремление русского государства к «теплу и солнцу», обозначив его позицию в «театре борьбы за жизнь [3, с. 29]». Долгая зима и короткое лето, потребность в обеспечения себя и своей семьи в небольшой период времени необходимыми запасами еды на долгий срок, определили и культуру труда русского народа, привыкшего даже в самых непростых, кризисных ситуациях максимальным образом задействовать все свои ресурсы для решения насущных проблем. Так, бывший глава «Автоваза», Бу Инге Андерссон в своем интервью отмечал, что та работа, на выполнение которой в Европе сотрудникам требуется неделя, в России будет сделана всего за один день [15].

Результаты и обсуждения

Феномен социальной адаптивности русского народа вызывает особый интерес для научного изучения и в контексте исследования проблемы социально-экономического выживания общества. При этом серьезное внимание уделяется рассмотрению данной проблематики в рамках ранее упомянутых, травматогенных событий русской истории, последствия которых до сих пор оказывают влияние на жизнь российского социума. К таковым в последние три десятилетия традиционно относят события 1990-х годов, связанные с крушением Советского союза, и фактически воспроизведением тенденциозной триады О.Н. Яницкого. Этот период россияне, согласно опросам, оценивают в целом негативно (53% опрошенных), ассоциируя его с криминалом (50% респондентов), коррупцией (30% респондентов) и безнаказанностью (26% респондентов) (ВЦИОМ; 2015, n = 1600) [12].

Не случайно отсылка именно к опыту «лихих девяностых» всплывает в информационном пространстве (в новостях, в массовой культуре) каждый раз, когда российское общество сталкивается с угрозой социально-экономических перемен (2008; с 2014 по настоящее время).

Однако, анализируя данный период времени, Т. Шанин отмечает, что, несмотря на драматические последствия событий 1990-х годов для российской экономики (несмотря на падение уровня производства и производительности труда, массовые задержки оплаты труда государственным служащим, товарный дефицит, резкое снижение уровня социально – экономической защищенности населения, дефолт 1998 года, ситуацию общей стагнации экономического развития государства), существенно сказавшихся на качестве жизни людей, постсоветское общество в целом отреагировало на резкие перемены «намного лучше», нежели чем это можно было ожидать, ориентируясь на общие экономические прогнозы и тенденции [7].

Особенно парадоксальным в ситуации всеобщего кризиса Т. Шанин отметил то, что, люди, лишенные социальных и экономических гарантий, продолжали трудиться, поддерживая тем самым работу уже по сути нефункционирующей социально-экономической системы. Так, люди ходили на неоплачиваемую работу и оказывали услуги, оплата которых не была чем-либо гарантирована.

Такого рода практика, между тем, объясняется, прежде всего, потребностью людей в психологической адаптации к внезапным переменам, необходимостью в ритуализации своих поведенческих практик, пусть даже искусственно, но поддерживающих ощущение личной безопасности, в движении по инерции (поддержания образа некой

стабильности) и, безусловно, естественной потребностью в сохранении связи с коллективом в рамках трудовой деятельности. Последнее замечание требует особого дополнения. С одной стороны, работа в коллективе обеспечивала людям сохранение социальных связей, жизненно необходимых в условиях выживания (человеческий, межличностный фактор в русском обществе исторически превалировал над системным), а также удовлетворение их базовых социальных потребностей (в признании, уважении, в ощущение своей значимости как социальной единицы), с другой же позволяла им ощутить свою связь с коллективом в осо-

бенно тяжелое для всех время, жизнь вне которого казалась невыносима (как следствие процесса коллективизации). Так, например, большая часть граждан в 1990-е годы использовала свои родственные, дружественные связи в процессе поиска работы (табл. 1 [10]). При этом значимость данных связей возрастала по мере нарастания экономических проблем в обществе. Если в начале 1990-х годов до 40% граждан обращалось к друзьям, знакомым, родственникам при поиске работы, то к 1997 году количество таких граждан составило уже 55%.

Таблица 1

Распределение численности безработных по способам поиска работы (в %).

Table 1

Distribution of the number of unemployed by methods of job search (in %).

Всего	безработные – всего*	обращение в ор- ганы гос. службы занятости	обращение в коммерческую службу занятости	подача объявле- ний в печать, от- клик на объявления	обращение к друзьям, родствен- никам, знакомым	обращение к администрации/ работодателю	поиск земли, зданий, машин и обору- дования и др. для открытия собствен- ного дела	др. способы
1992	100	28,1	1,0	8,7	29,9	26,3	1,8	9,0
1993	100	28,3	3,1	13,6	36,7	30,9	1,9	12,9
1994	100	34,4	3,7	15,63	37,8	29,0	1,4	12,0
1995	100	36,3	3,8	16,9	38,5	27,9	1,4	15,3
1996	100	39,0	4,2	17,6	37,0	25,6	0,9	14,3
1997	100	39,9	2,4	16,3	55,0	28,8	1,2	14,7
1998	100	37,2	2,4	18,6	57,8	29,5	0,9	15,6
1999	100	29,4	1,5	18,0	54,5	31,9	0,7	10,7

*Сумма значений превышает 100%, так как безработные указывали все использованные способы поиска работы. Источник: Российский статистический ежегодник 2000 [10].

*The sum of the values exceeds 100%, since the unemployed indicated all the methods they used to find work. Source: Russian Statistical Yearbook 2000 [10].

События 1990-х годов, можно, по праву, также назвать беспрецедентными для российской истории и в силу того, что большая часть населения в сравнительно небольшой период времени, оказалась вынужденно вовлеченной в сектор неформальных экономических отношений, «неформальную экономику».

Как социально-экономическое явление «неформальную» или «эксплоярную экономику» [7] можно представить как экономическую деятельность экономических объектов, частично либо полностью не регулируемую официальными правовыми положениями и выпадающую из рамок законодательства и действующей практики [8], то есть, по сути, не отражающуюся в официальной отчетности и формальных контрактах [7]. Международная организация труда (МОТ) соотносит данный вид хозяйственной деятельности с понятиями

«бедности» и «уязвимости», отмечая высокий уровень социальных и экономических рисков, с которыми она сопряжена, таких, как низкий уровень (либо его полное отсутствие) социального обеспечения работников, низкий уровень безопасности их труда и прочих трудовых прав экономических объектов [8].

В. Радаев выделяет два подхода к понятию неформальной экономики – как «совокупности форм хозяйства или секторов экономики, противостоящих государству и формализованным сегментам рынка» и как совокупность экономических отношений, существующих во всех без исключения секторах экономики» [7].

В этой связи, рассматривая феномен «неформальной экономики» российских реалий 1990-х годов, стоит выделить его основные черты, большая часть из которых отражается в общих тенден-

циях поведенческих практик людей, направленных не столько на накопление капитала и максимизацию прибыли, то есть на конструирование и поддержания образа своего будущего, сколько на борьбу за свое существование «здесь» и «сейчас», иначе говоря, на ситуационные адаптационные практики к условиям резко изменяющейся, непрогнозируемой в долгосрочной перспективе, социальной среды.

Т. Шанин отмечает, что для российской модели «неформальной экономики» 1990-х годов характерны гибкость и мобильность граждан, их готовность браться за несколько работ сразу в условиях общей социально-экономической нестабильности, отсутствия социальной защищенности и ситуации общей неопределенности на нерегулируемых рынках [7]. Для данного вида хозяйственной деятельности характерен высокий уровень солидарности в социуме, формирование сообществ взаимопомощи, выстроенных преимущественно по принципу родства, соседства, этноса или землячества (тем или иным общим признакам) и осуществления внутри них той или иной экономической деятельности; максимальное использование трудовых и прочих ресурсов семьи (в т.ч. подсобного хозяйства), ориентированность членов общества в процессе экономической деятельности больше на родственные и доверительные отношения, нежели отношения формальные (договорные); незарегистрированные формы экономической деятельности, объединение различных форм экономической деятельности между собой (легальной, нелегальной) и встраивание в них особо незащищенных слоев населения [7].

Так, говоря о гибкости и мобильности россиян в период 1990-х годов, стоит обратить внимание на социальные практики безработных граждан (с 1994 по 1996 год), которые в условиях кризиса показали свою готовность переориентироваться на менее стабильные, долгосрочные типы занятости. Несмотря на то, что большинство безработных россиян в период с 1994 по 1996 гг. искали постоянную работу с полной рабочей неделей (в 1994 г. таких безработных граждан было 61,2%, в 1995 г. – 62%, в 1996 г. – 61,3%), существенной оказалась и доля тех, кто был готов абсолютно на любую ра-

боту (полную/неполную/разовую занятость, занятость на определенный срок): в 1994 году таких было – 10,9% безработных, в 1995 году – 11,3% безработных, в 1996 году – 13,7% безработных. К 1997 году количество безработных (из общего числа), готовых к любой работе, составило уже 23,7% [11].

Еще одним исключительным примером адаптивной социальной практики россиян в период 1990-х годов стало ведение личного подсобного хозяйства. Данный тип экономической деятельности был также опосредован спецификой исторических и культурных особенностей российского общества. К примеру, М.И. Туган-Барановский отмечал, что в России начала 20 века «крестьянское хозяйство преобладало над капиталистическим сельским хозяйством ... 90% всех посевов в Европейской России принадлежало крестьянам...» [20, с. 232]. В 1917 году советский декрет о земле упразднил право граждан на оформление земли в частную собственность и земля стала общественным достоянием [17], однако рабочим колхозов предоставлялось право на ведение личного подсобного хозяйства, которое стало для них не только источником пропитания, но и источником «финансовых поступлений» (с ЛПХ платился подоходный и натуральный налоги) [21]. К 1950 году у граждан появилась и возможность приобретения ограниченных наделов земли, которые оформлялись в виде садовых и огороднических товариществ [9], и, как и ЛПХ, в последствии стали рассматриваться государством в качестве дополнительных источников продовольственных ресурсов страны [5]; таким образом, в обществе исторически сохранялась и развивалась традиция сельскохозяйственного труда среди населения, которая помогла людям пережить и кризис 1990-х годов. Так, обращаясь к статистическим данным, можно отметить, что начиная с 1990-х годов увеличивалось количество соток личных подсобных хозяйств, взятых в среднем на одну семью: с 20 соток в 1990 г. до 40 соток в 1998 году, как и увеличивалось количество соток взятых на семью с целью организации коллективных и индивидуальных огородов: с 7,5 соток в 1990 г. до 8,7 соток в 1998 г. (табл. 2 [10]).

Таблица 2

Хозяйства населения, имеющие земельные участки (на конец года).

Table 2

Households with land plots (at the end of the year).

	1990	1995	1996	1997	1998	1999
Личные подсобные хозяйства (приусадебное землепользование):						
площадь, тыс. га	3260	5810	5805	5923	6433	6137
в среднем на одну семью, соток	20	36	36	36	40	40
Коллективные и индивидуальные огороды в среднем на одну семью, соток	7,5	8,2	8,2	8,3	8,7	8,5

Источник: Российский статистический ежегодник 2000 [10].

Source: Russian Statistical Yearbook 2000 [10].

Несмотря на последующую стабилизацию экономической ситуации и трансформацию индивидуальных земельных участков в «места отдыха» россиян, «дачи» тем не менее остались для них одним из важнейших источников пропитания [13]. Согласно результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ=1600) [16], дача ассоциируется у большинства опрошенных с «релаксацией, природой и отдыхом» (95% опрошенных), а у больше, чем половины респондентов с огородничеством и трудом (57% респондентов) (табл. 3). Не менее 60% опрошенных используют земельный участок, прежде всего, для выращивания сельскохозяйственной продукции для своей семьи. В этом смысле ценность участка возрастает по мере появ-

ления экономических проблем в обществе (см. Табл. 3). Особенно хорошо это видно на примере 2009 года, спустя год после кризиса 2008 года, когда 81% респондентов отметил, что использовал дачу для выращивания сельскохозяйственной продукции, что в целом представляет собой естественную и ожидаемую социальную реакцию на экономические риски со стороны членов общества, учитывая тот факт, что экономический кризис 2008 года стал первым серьезным социально-экономическим испытанием для российского общества после периода 90-х годов; на последующие экономические риски россияне отреагировали более сдержанно (как, например, на экономические перемены в 2014 и 2022 гг., табл. 3 [16]).

Таблица 3

Особенности использования дачи и земельного участка (в %).

Table 3

Features of using a summer house and a land plot (in %).

	2005	2009	2010	2012	2013	2014	2019	2022	2024
Выращивание сельскохозяйственных продуктов	72	81	69	75	71	68	71	70	66
Сажаю цветы, разбиваю клумбы и газоны, делаю пруды и другие декоративные сооружения	21	24	29	38	37	39	34	30	35

Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [16].

Data from the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM) [16].

Выводы

Таким образом, в рамках анализа явления социально-экономической адаптивности общества неформальную экономику можно представить и как адаптивное поведение экономической системы, экономических агентов в условиях неблагоприятной внешней внесистемной среды, обуславливающей изменения внутри системы и опосредованное культурными особенностями, социальными и экономическими ресурсами социальной системы. В этой связи, подытоживая, стоит отметить, что серьезные экономические потрясения 1990-х годов способствовали росту социально-экономической

адаптивности граждан, проявление которой до сих пор можно наблюдать в обыденных социально-экономических практиках россиян (как например, в практике ведения личных подсобных хозяйств). Более того, любые социально-экономические перемены активизируют социально-экономическую адаптивность россиян, сказываясь не только на специфике их поведения, но и на характере взаимодействия людей в обществе друг с другом, в ситуации, когда человеческий фактор, культурные и социальные традиции, как и неформальные институты, становятся более значимыми, нежели формальные и институциональные связи.

Список источников

1. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / предисл. Л. Полякова. Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заклоч. ст. И. Даниленко. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. 272 с. (Серия: «Геополитический ракурс»).
4. Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 13 – 23.
5. Двадцать восьмой съезд КПСС. Москва. 25 февраля – 6 марта 1986 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446804#mode/inspect/page/26/zoom/4> (дата обращения: 03.12.2024)
6. Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 152 с.
7. Переход от неформальной к формальной экономики // МОТ. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_218371.pdf (дата обращения: 03.12.2024)
8. Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос, 1999. 576 с.
9. Потапчук Е.Ю. Значение дачи в жизни современного горожанина // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-3 (104). С. 152 – 158.
10. Российский статистический ежегодник 2000. URL: https://istmat.org/files/uploads/45859/08_trud.pdf (дата обращения: 03.12.2024)
11. Российский статистический ежегодник 2001. URL: https://istmat.org/files/uploads/21317/nx_6.pdf (дата обращения: 03.12.2024)
12. Руссо Жан-Жак. Избранные сочинения: в 3 т.: пер. с фр. / Сост. и авт. вступ. статьи И.Е. Верцман; [Ил.: Е. Коган]. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. 851 с.
13. Русские всегда тянут до последнего, считает президент "АвтоВАЗа" // Info.sibnet. URL: <https://info.sibnet.ru/article/379220/?ysclid=m67sd9yd5b693826079> (дата обращения: 03.12.2024)
14. Россияне назвали огород важным источником пропитания // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/05/24/20510246.shtml?updated> (дата обращения: 03.12.2024)
15. Россия девяностых: дни поражений или побед // Официальный портал ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-devyanostykh-dni-porazhenij-ili-pobed?ysclid=lutvvrfmn0614473436> (дата обращения: 03.12.2024)
16. Сезон у дачи // Официальный портал ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sezon-u-dachi> (дата обращения: 03.12.2024)
17. Смирнова Е.А. Основные этапы формирования земельных отношений в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6-4. С. 158 – 162.
18. Тощенко Ж.Т. Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 1. С. 30 – 50.
19. Тайнственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах // Официальный портал ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=m5wmaqdhbz937371872> (дата обращения: 03.12.2024)
20. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 664 с.
21. Чжуан Ш. Личное подсобное хозяйство сельского населения СССР в середине 1960-х – середине 1980-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 139 – 154. DOI 10.7256/2454-0609.2018.5.27406.
22. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
23. Яницкий О.Н. Критические состояния среды жизни и способы адаптации к ним // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 50 – 78.
24. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Хрестоматия по руссификации / РАН. ИНИОН. Центр руссификации; Отв. ред. Глебова И.И. Выпуск 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. С. 174 – 187.

References

1. Berdyaev N.A. The Fate of Russia: Experiments in the Psychology of War and Nationality. foreword by L. Polyakova. Reprint. reproduction of the 1918 edition. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1990. 240 p.
2. Berdyaev N.A. The Origins and Meaning of Russian Communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS edition, 1955. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
3. Vandam (Edrikhin) A.E. Geopolitics and Geostrategy. Comp., introduction and commentary by I. Obratsov; concluding article by I. Danilenko. Zhukovsky; Moscow: Kuchkovo Pole, 2002. 272 p. (Series: "Geopolitical Perspective").
4. Volkov Yu.G. Sociocultural traumas of modern Russian society. Sociological studies. 2022. No. 3. P. 13 – 23.
5. The Twenty-eighth Congress of the CPSU. Moscow. February 25 – March 6, 1986. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446804#mode/inspect/page/26/zoom/4> (date of access: 03.12.2024)
6. Lossky N.O. The character of the Russian people. Frankfurt am Main: Posev, 1957. 152 p.
7. The transition from the informal to the formal economy. ILO. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_218371.pdf (accessed: 03.12.2024)
8. Informal Economy. Russia and the World. Ed. by Theodore Shanin. Moscow: Logos, 1999. 576 p.
9. Potapchuk E.Yu. The Importance of a Dacha in the Life of a Modern City Dweller. International Research Journal. 2021. No. 2-3 (104). P. 152 – 158.
10. Russian Statistical Yearbook 2000. URL: https://istmat.org/files/uploads/45859/08_trud.pdf (date of access: 03.12.2024)
11. Russian Statistical Yearbook 2001. URL: https://istmat.org/files/uploads/21317/nx_6.pdf (date of access: 03.12.2024)
12. Rousseau Jean-Jacques. Selected Works: in 3 volumes: trans. from French. Comp. and author of the introduction to the article I.E. Vertsman; [Ill.: E. Kogan]. Moscow: Goslitizdat, 1961. Vol. 1. 851 p.
13. Russians always wait until the last minute, says AvtoVAZ president. Info.sibnet. URL: <https://info.sibnet.ru/article/379220/?ysclid=m67sd9yd5b693826079> (accessed: 03.12.2024)
14. Russians named the vegetable garden an important source of food. Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/05/24/20510246.shtml?updated> (date accessed: 03.12.2024)
15. Russia of the nineties: days of defeats or victories. Official portal of VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-devyanostykh-dni-porazhenij-ili-pobed?ysclid=lutvvrffmn0614473436> (date accessed: 03.12.2024)
16. Season at the dacha// Official portal of VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sezon-u-dachi> (date accessed: 03.12.2024)
17. Smirnova E.A. The main stages of the formation of land relations in Russia. Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2016. No. 6-4. P. 158 – 162.
18. Toshchenko Zh.T. Trauma societies and their characteristics. Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 30 – 50.
19. Mysterious and otherworldly, or Russians about magicians and astrologers. Official portal of VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=m5wmaqdhbz937371872> (date of access: 03.12.2024)
20. Tugan-Baranovsky M.I. Fundamentals of Political Economy. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 1998. 664 p.
21. Zhuang Sh. Personal subsidiary farming of the rural population of the USSR in the mid-1960s – mid-1980s. Historical journal: scientific research. 2018. No. 5. P. 139 – 154. DOI 10.7256/2454-0609.2018.5.27406.
22. Sztompka P. Sociology. Analysis of Modern Society: trans. from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos, 2005. 664 p.
23. Yanitsky O.N. Critical States of the Living Environment and Ways to Adapt to Them. Reforming Russia: Yearbook [collection of scientific articles]. ed. M.K. Gorshkov; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Novy Khronograf, 2016. Issue 14. P. 50 – 78.
24. Yanitsky O.N. Russia as a risk society: methodology of analysis and contours of the concept. Chrestomathy of Russian studies. RAS. INION. Center for Russian studies; Ed. Glebova I.I. Issue 1. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS, 2015. P. 174 – 187.

Информация об авторе

Свирская Д.А., специалист учебно-практической Лаборатории коммуникационных технологий, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

© Свирская Д.А., 2025